

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15-го Ноября № 22 1892 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Ветхозавѣтная пророческая проповѣдь какъ образецъ для христіанскихъ пастырей — проповѣдниковъ.

*(Продолженіе *).*

Что же касается помазанія, то его, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ, какъ оно опредѣляется у Амфітеатрова, съ перваго взгляда трудно усмотрѣть въ рѣчахъ пророковъ. По опредѣленію почтеннаго профессора, помазаніе совмѣщаетъ въ себѣ благодать евангельскую, строгость пророческую, силу и власть апостольскую и кротость отеческую ¹⁾.

Какъ слово одного и того-же Бога, рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ должны быть проникнуты тѣмъ, что мы называемъ благодатию Евангелія. И дѣйствительно, онѣ, возвѣщающія евреямъ строгую кару Божию и обѣдствія человѣческія, сообщаютъ въ то-же время и отрадныя истины. На ряду съ духомъ строгости въ рѣчахъ пророковъ ясно усматривается и духъ утѣшенія для сокрушенныхъ сердець. Да и самое понятіе благодати было хорошо извѣстно ветхозавѣтнымъ писателямъ и синагогамъ ²⁾. Благодать сообщала сло-

*) См. № 21-й нашихъ Вѣд. 1892 г.

1) Амфітеатровъ. Гомилет. т. II. § 232. стр. 58.

2) Ис. LXI, 1. 2; Лук. IV, 22.

ву пророковъ жизненность ¹⁾ и духовную питательность ²⁾. Она же сообщала этому слову и евангельскую умиленность и тонъ духовной печали. Эти послѣднія черты особенно рельефно выступаютъ у пророка Іереміи. Правда, какъ душа, глубоко чувствующая и порывистая, онъ иногда слишкомъ рѣзко выражалъ свою скорбь ³⁾ Но это были только внезапные и скоро оканчивающіеся порывы. Общій же характеръ его слова, особенно въ „Плачѣ“, выражается въ той тихой божественной меланхоліи, какою мы находимъ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Самого Спасителя. Да и не могла въ высшей степени нѣжная душа пророка Іереміи выражать иначе стоны и вопли сильно наболѣвшаго и много выстрадавшаго сердца.

Ничего не остается такъ желать для современныхъ христіанскихъ проповѣдей, какъ евангельской благодати, найденной нами въ рѣчахъ древнихъ пророковъ. Эта благодать необходима особенно въ виду того, что и въ настоящее время такъ-же, какъ во время ветхозавѣтное, человѣчество продолжаетъ нести на себѣ одинъ и тотъ же тяжелый крестъ жизни. И въ настоящее время наша земля еще не окончила той своей скорбной пѣсни, какую она начала съ того времени, какъ въ первый разъ согрѣшилъ ея обитатель. И въ настоящее время не перестаютъ раздаваться вопли, вызываемые сознаниемъ грѣха и невозможностью освободиться отъ него въ одной половинѣ человѣчества, и стоны, происходящіе отъ тщетности познаній и тяжести сомнѣній въ другой. Поэтому одна только „благовѣствовательность“ ⁴⁾ можетъ прекратить эти постоянные

¹⁾ Іезек. XXXVII, 1—14.

²⁾ Втор. V, 21; Прем. Сол. XVI, 26.

³⁾ Іерем. конецъ XX гл.

⁴⁾ Лук. IV, 18—20.

стоны и вопли человечества, она одна только может заставить умолкнуть эту вѣчную пѣсню скорбной земли.

Но, какъ мы раньше сказали, благодать Евангелія въ рѣчахъ пророческихъ идетъ рука объ руку съ строгою обличительностью. Этотъ строго обличительный характеръ господствуетъ въ рѣчахъ пророковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они проникаются ревностью спасти непокорныхъ евреевъ. И часто эта ревность у пророковъ была грозна и даже ужасна особенно тогда, когда ожесточеніе сердца и безчувственность еврейскаго народа достигали крайнихъ предѣловъ.

Теперь является вопросъ, умѣстна-ли строгость пророческая въ проповѣдяхъ христіанскихъ и особенно въ наши дни? Строгость обличительныхъ рѣчей пророческихъ обусловливалась съ одной стороны грубостью еврейскаго народа, а съ другой—непосредственнымъ повелѣніемъ Божиимъ. Это послѣднее дѣйствовало на древнихъ пророковъ съ всемогуще принудительною силою, такъ что, не смотря на все свое нежеланіе говорить народу грозное слово, они должны были дѣлать это ¹⁾. Но и въ христіанскомъ мірѣ и даже въ наше время можно найти и древне-еврейскую грубость и древнееврейское ожесточеніе сердець. Первую мы находимъ преобладающею въ простомъ неразвитомъ народѣ, какимъ богата особенно Россія, а второе въ образованномъ человечествѣ, хотя это человечество выражаетъ ожесточеніе своего сердца въ болѣе тонкой и даже изящной формѣ и старается всѣми силами дать ему законныя и даже научныя основанія. То правда, что отсутствіе грубости въ образованномъ обществѣ служитъ достаточнымъ основаніемъ для молодыхъ и безавторитетныхъ проповѣдниковъ не выступать съ грозно-обличительнымъ словомъ противъ этого общества, потому что такое слово не произведетъ на него

¹⁾ Иерем. XX, 9.

никакого благотворнаго вліянія, а вызоветъ въ немъ или одно раздраженіе или же одну презрительную улыбку. Но если молодымъ и безавторитетнымъ проповѣдникамъ неумѣстно говорить строго—обличительно предъ образованными слушателями, то такая неумѣстность будетъ совершенно неосновательною въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ слово обращено къ простому народу. Не будетъ имѣть права гражданства эта неумѣстность въ словѣ старыхъ и авторитетныхъ церковныхъ ораторовъ, хотя бы ихъ проповѣдь была обращена и къ образованнымъ слушателямъ, такъ какъ избѣгать строгости проповѣдникъ вынуждается не въ силу того, что эта строгость противна духу и характеру христіанской проповѣди, а потому только, что строго обличительный тонъ иногда уничтожаетъ плодотворность церковнаго слова. Что-же касается того, что этотъ тонъ согласенъ съ духомъ и характеромъ христіанской проповѣди, то въ этомъ убѣждаютъ насъ самымъ неопровержимымъ образомъ Иисусъ Христосъ, Апостолы и Отцы церкви. Спаситель не постѣснялся взять бичъ и изгнать имъ изъ храма безчувственно грубыхъ торжниковъ ¹⁾. А обличая фарисеевъ,—этихъ бездушныхъ, окаменѣлыхъ мумій по отношенію къ буквѣ закона и всемірно-историческихъ типовъ лицемѣрія, Онъ говорилъ предъ ними съ такою строгостью, съ какою едва-ли говорили и сами пророки предъ современными имъ грѣшниками ²⁾. Не менѣе строго обличительнымъ характеромъ отличаются и слова Ап. Павла къ Галатамъ, уклонившимся отъ истиннаго пути ³⁾. Такой-же строго-обличительный тонъ мы ясно замѣчаемъ въ проповѣди Іоанна Златоуста, направленной противъ тѣхъ, которые проводили

1) Лук. XIX, 45. 46.

2) Мѡ. XXIII гл.

3) III, 1—3.

время въ театрѣ въ великій пятокъ, и въ словѣ Василя Великаго, обращенномъ къ неумѣренно предающимся пьянству во время Пасхи. Такимъ образомъ, можно и должно выступать предъ слушателями и христіанскому проповѣднику съ словомъ грознаго обличенія на устахъ. Нужно только при этомъ хорошо знать, въ виду благоплодности проповѣди, кому и предъ кѣмъ, когда и гдѣ прибѣгать къ строгости пророческой. Всегда могутъ быть случаи, что строго—обличительное слово, вызывающее всегда и вездѣ въ продолженіи всей жизни ученаго грѣшника однѣ презрительныя улыбки съ его стороны, можетъ потрясти всѣ изгибы его души на смертномъ одрѣ, хотя-бы оно явилось и было произнесено помимо его воли. А коль скоро оно не пройдетъ безслѣдно въ душѣ умирающаго, то этимъ самымъ возбудитъ въ немъ сомнѣніе, которое сведетъ всѣ прежнія его убѣжденія къ одному только „можетъ быть“. Но захочетъ-ли мыслящій человѣкъ умереть съ однимъ „можетъ быть“ на устахъ? Трудно, почти невозможно предположить, чтобы это сдѣлалъ особенно серьезный ученый? Что-же касается осмѣивающихъ грозно—обличительныя проповѣди только по модѣ, а не по искреннему убѣженію и простаго необразованнаго народа, то на слабыя, мелкія души первыхъ такія проповѣди могутъ оказывать вліяніе не только въ послѣдніе часы жизни, но и во многихъ другихъ случаяхъ, а по отношенію къ простымъ глубокоовѣрующимъ душамъ вторыхъ онѣ всегда будутъ особенно благоплодными и удобоприложимыми.

Успѣхъ дѣйственности строго-обличительнаго церковнаго слова и на образованныхъ слушателей усиливается особенно отъ того, что это слово всегда бываетъ возвышеннымъ и глубокомысленнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнимъ христіанскимъ проповѣдникамъ никогда не достигнутъ той

возвышенности въ своихъ рѣчахъ, какую мы видимъ въ рѣшеніи пророкомъ Даниломъ судьбы Валтасара,—этого несчастнаго, но грѣшнаго царя въ то время, какъ онъ беззаботно пировалъ съ своими друзьями, ¹⁾ и въ рѣчи пр. Наума, гдѣ онъ говоритъ о паденіи Ниневіи ²⁾. Никогда не достигнуть имъ и той глубокомысленности, доходящей до всевѣдѣнія, какая замѣтна у пророковъ въ изображеніи грѣховности царствъ и народовъ и въ предсказаніи будущихъ наказаній ихъ за эту грѣховность. Возвышенность и глубокомысліе пророческихъ рѣчей могутъ быть обусловлены только умомъ Божественнымъ, но никакъ не человѣческимъ. Поэтому христіанскіе проповѣдники должны по мѣрѣ возможности и силъ ихъ только приближаться къ этимъ чертамъ и тѣмъ вліять на истинно-образованный умъ слушателей.

Силою и властію апостольскою рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ проникнуть, какъ нельзя болѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что эти рѣчи, какъ никакія другія рѣчи человѣческія, повелѣвали и управляли всѣми силами духовной природы человѣка.

Не лишена библейская ветхозавѣтная проповѣдь и кротости отеческой. Кротость отеческая и соединенная съ нею простота или безыскусственность, искренность или сердечность и живое обильное изліяніе мыслей и чувствъ встрѣчаются у каждаго пророка ³⁾, но особенно проникнуты и изобилуютъ ими псалмы Давида.

¹⁾ Дан. V, 3—6. 14—28.

²⁾ II, 6—13; III, 1—7.

³⁾ Быт. XXXIV, 3; Л, 21; Суд. XIX, 3; Руф. II, 13; 2 Цар. XIX, 7; 2 Парал. XXX, 22. XXXII, 6; Ис. XLI, 2; Ос. II, 14 и проч.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что простая, полная чувствъ сердечная кротость и въ самомъ закоренѣломъ неупорномъ грѣшникѣ и въ самомъ бездушномъ антихристіанскомъ ученомъ можетъ воскресить тѣ давно уснувшія въ нихъ религіозныя чувства добра и правды, о которыхъ они, быть можетъ, только мимоходомъ слышали въ дѣтствѣ. Мало этого, такого характера проповѣдь можетъ не только воскресить то, что уже заключается въ ученомъ и невѣжественномъ грѣшникѣ, но и заставить его принять то, о чемъ онъ никогда не слыхалъ. Словомъ, проникнутая отеческою кротостью проповѣдь можетъ безъ особыхъ трудностей сдѣлать человѣка нерелигіознаго глубоко-вѣрующимъ и безнравственнаго высоконравственнымъ, лишь бы онъ не отличался сознательнымъ или безсознательнымъ упорствомъ. Сердечныя, психологическія доказательства всегда и по отношенію ко всякому слушателю болѣе будутъ имѣть успѣха и дѣйственности, чѣмъ доказательства науки и философіи. Такая успѣшность и дѣйственность ихъ обусловливается самою душевною природою человѣка и бываетъ особенно сильна въ церковномъ словѣ. Помимо того, что философскія и раціоналистическія разсужденія неумѣстны на церковной кафедрѣ, онѣ не будутъ тамъ имѣть значенія и силы главнымъ образомъ потому, что объемъ проповѣди и количество времени, посвящаемое произношенію ея, не позволяютъ церковному оратору обосновать вполне тѣ истины, какія онъ хочетъ доказать. Но мы далеки отъ того, чтобы совсѣмъ изгонять изъ проповѣди не только внѣ церкви, но и на церковной кафедрѣ умѣренную и мудрую религіозную философію и науку. Мы только противъ той философіи и науки, о которыхъ Апостоль Павелъ пишетъ къ Колоссянамъ: „смотрите, братіе, чтобы кто не увлекъ васъ философіей и пустымъ обольщеніемъ, по преданію чело-“

ческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“¹⁾. Ясно, что Апостоль предостерегаетъ отъ того, чтобы человѣческимъ мудрствованіемъ не рѣшали важнѣйшихъ вопросовъ о предметахъ вѣры и чтобы философіи и науки не ставили мѣриломъ религіи. Что-же касается умѣренной религіозной философіи и науки, то онѣ, если будутъ проникнуты психологическою сердечностію, произведутъ въ строѣ душевной и нравственно-практической жизни и самаго великаго ученаго гораздо большіе перевороты, чѣмъ всѣ сухія и отвлеченныя, хотя-бы и глубокія, философскія и раціоналистическія доказательства и соображенія.

Но особенно выдающеюся чертою ветхозавѣтной проповѣди является современность, — или точнѣе, — своевременность ея. Въ этомъ отношеніи, какъ ни въ какомъ другомъ, рѣчи древнихъ пророковъ отличались особеннымъ успѣхомъ и особенною силою убѣдительности по отношенію къ современникамъ. Въ пророческихъ рѣчахъ затрогивались и рѣшались вопросы, касающіеся всей совокупности житейскихъ отправленій и отношеній. Ни одна сторона еврейской жизни не была обходима пророками, касалась-ли она жизни религіозной или нравственной, политической или соціальной. И все это обсуждалось какъ разъ въ то время, когда въ немъ являлась особая потребность, когда оно было насущнымъ вопросомъ извѣстнаго времени. Станутъ-ли евреи искать военной помощи и союза съ сосѣдними народами²⁾, подступитъ-ли непріятель къ столицѣ народа Божія³⁾, настанетъ-ли въ странѣ засуха и голодъ⁴⁾, опустошитъ-ли поля еврейскія саранча⁵⁾, — пророки всегда благовременно яв-

1) II, 8.

2) Ис. XXVIII—XXXV гл.

3) Іер. XXXIV—XXXVIII гл.

4) Іер. XIV гл.

5) Іоиль.

ляются предъ народомъ то съ грознымъ словомъ обличенія и возвѣщенія кары Божіей, то съ благоразумнымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, то съ горячею молитвою предъ Богомъ о помилованіи грѣшнаго, непокорнаго народа. Насколько была широка задача объема пророческихъ рѣчей,—это видно изъ того, что эти рѣчи совмѣщали въ себѣ и совершенно замѣняли собою въ еврейскомъ народѣ всѣ наши религіозно-нравственные и политико-соціальные органы прессы. Сѣмя проповѣди пророческой во время сѣялось въ душахъ слушателей, оттого успѣхъ и сила убѣдительности и дѣйственности ея, помимо божественнаго происхожденія, были такъ поразительны и даже сверхъестественны, если смотрѣть на это съ точки зрѣнія нашего времени.

Въ силу такого великаго значенія современной проповѣди, и христіанскіе проповѣдники должны обращать особенное вниманіе на духъ и потребности своего времени и придавать имъ особенное значеніе. „Зная духъ и характеръ своего народа, говоритъ Амфитеатровъ, знай также духъ и свойство своего времени и по сему духу направляй тонъ и характеръ своего собесѣдованія“¹⁾. Христіанскому проповѣднику, подобно ветхозавѣтному пророку, необходимо знать тѣ запросы, какіе предъявляетъ то или другое время, и тѣ нужды и болѣзни душевныя, какія являются у народа и какими онъ страдаетъ въ тотъ или другой періодъ времени. Особенный успѣхъ будетъ имѣть та проповѣдь, которая во время отвѣтитъ на мучительный вопросъ, во время удовлетворитъ нужду, во время окажетъ помощь душевной болѣзни. Проповѣдь Іисуса Христа и Апостоловъ, помимо своей чудесности, обусловленной божественнымъ происхожденіемъ ея, побѣдила міръ, потому что была своевременна.

¹⁾ Амфитеатровъ. Гомил. § 223, стр. 40.

Какіе-же рѣшать вопросы, какія удовлетворять нужды и какимъ помогать болѣзнямъ приходится проповѣдникамъ, особенно русскимъ въ наше время, и въ какихъ слояхъ общества прежде всего и легче всего можно и должно искать эти вопросы, нужды и болѣзни? Прежде всего и легче всего необходимо, при удовлетвореніи современности, обращать вниманіе на нашъ простой народъ. Нужно спѣшить съ помощію къ этимъ еще непросвѣщеннымъ, но „погибающимъ, благодаря нерадивости многихъ пастырей—проповѣдниковъ ихъ, овцамъ дома израилева“. Простой народъ не отвергнетъ помощи, онъ съ охотою прійметъ ее, лишь-бы она была во время подана ему. Есть еще и другое основаніе и побужденіе для проповѣдника удовлетворять прежде всего современныя нужды простаго народа. Это то, что въ этомъ народѣ сосредоточена вся могучая сила Россіи: непоколебимая ревность къ православной вѣрѣ, а отсюда безграничная любовь къ Государю и отечеству. Правда, и высшіе слои нашего общества не менѣе нуждаются въ цѣлительномъ елеѣ церковнаго слова, такъ какъ они близки къ разложенію, или, быть можетъ, уже начали разлагаться въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Но эти слои могутъ сами находить для себя помощь, если захотятъ дѣлать это, тогда какъ простой народъ можетъ получить помощь только отъ другихъ и принимаетъ охотно эту помощь главнымъ образомъ съ церковной каѳедры отъ своихъ пастырей—проповѣдниковъ.

Волюющими современными вопросами, нуждами и болѣзнями въ средѣ нашего простаго народа являются вопросы, нужды и болѣзни религіозно-нравственныя. Поэтому проповѣднику необходимо изучать религіозныя воззрѣнія своего народа, его нравственное и умственное состояніе, его нехитрую жизненную философію. Достаточно бросить самый

бѣглый взглядъ на религіозныя воззрѣнія простаго народа, чтобы убѣдиться, что почти всѣ истины христіанскія искажены имъ своеобразнымъ толкованіемъ, суевѣрными примѣсьями, или прямымъ непониманіемъ. Большинство нашего простонародья не имѣетъ правильнаго понятія даже о Богѣ и Его свойствахъ. Гнѣвомъ Божиимъ пугаютъ дѣтей и сами боятся Его, какъ только страшнаго и грознаго карателя, и немногіе только изъ нихъ любятъ Его, какъ Отца. Догматы искупленія рода человѣческаго Спасителемъ также очень немногими понимается правильно и согласно съ ученіемъ Евангелія и Церкви. Исторія земной жизни Іисуса Христа или почти неизвѣстна многимъ, или-же искажена привнесеніемъ въ нее нелѣпныхъ вымысловъ. О третьемъ лицѣ Св. Троицы поселянинъ большею частію знаетъ только то, что Онъ изображается въ видѣ голубя. Все понятіе его о церкви исчерпывается тѣмъ, что онъ видитъ въ стѣнахъ своего храма. Не менѣе искажено, или преувеличено простымъ народомъ и понятіе о промыслѣ Божіемъ. Въ то время, какъ одна часть его готова видѣть чудеса въ самыхъ мелочныхъ явленіяхъ обыденной жизни, другая — покорно и безропотно стонетъ подъ игомъ рока, которому свлоненъ безмолвно подчиняться только умъ, незнакомый съ пониманіемъ причинъ обыкновенныхъ явленій. Загробная жизнь съ ея блаженствомъ праведниковъ и мученіемъ грѣшниковъ также мало извѣстна простолюдину и также искажена нелѣпными представленіями. Онъ мало или почти ничего не знаетъ о духовномъ блаженствѣ и духовномъ мученіи. О томъ и другомъ онъ составляетъ понятіе на основаніи собственныхъ житейскихъ радостей и горестей, вслѣдствіе чего эти понятія его слишкомъ грубы и матеріалистичны.

То-же искаженіе нелѣпостями и то-же непониманіе усматривается и въ понятіяхъ простаго народа о второсте-

ценныхъ догматахъ христіанской вѣры. Онъ много знаетъ чудовищно-фантастическихъ разсказовъ о продѣлахъ съ людьми злаго духа, но не имѣетъ сколько-нибудь удовлетворительнаго знанія о дѣйствіяхъ своего Ангела—хранителя. Нѣкоторыхъ святыхъ простолюдинъ почитаетъ до обоготворенія, и это его обоготвореніе болѣе относится къ иконѣ, чѣмъ къ изображенному на ней святому, такъ какъ онъ не въ силахъ отдѣлить въ своемъ сознаніи видимое отъ невидимаго. Поэтому наши поселяне почитаютъ и уважаютъ преимущественно только церковные обряды, ставя ихъ выше таинствъ. Усерднѣе они молятся и болѣе сердечной теплоты обнаруживаютъ при слуханіи молебна святому, чѣмъ при слуханіи совершенія брака или какого-либо другаго таинства и даже самой литургіи. Съ одинаковымъ благоговѣйнымъ чувствомъ пьютъ богоявленскую воду и приобщаются св. таинъ—Тѣла и Крови Христовой. Придаютъ болѣе значенія силѣ херувимскаго ладона и страстной свѣчи, чѣмъ силѣ церковныхъ молитвъ. И многое этому подобное найдетъ проповѣдникъ, если станетъ изучать эту больную сторону простаго народа.

Не менѣе туманно и не менѣе исполнено суевѣрій и предрасудковъ и воззрѣніе простолюдина на видимый міръ съ его явленіями. Во всѣхъ явленіяхъ этого міра онъ видитъ или дѣйствіе только гнѣва и всемогущества Божія, но рѣдко любви и премудрости Его, или-же чаще дѣйствіе злости и зависти діавола. Отсюда онъ создаетъ своеобразную космологію, гдѣ все непонятное объясняется фантастическою чудесностью.

Подобную чудесность и суевѣріе мы находимъ на каждомъ шагѣ и въ житейскомъ быту нашего простаго народа. Понятія о человѣкѣ, какъ существѣ свободно-разумномъ, онъ не знаетъ. Болѣзни, удачи или неудачи въ дѣлахъ, бѣд-

ность или богатство онъ объясняетъ навожденіемъ злаго духа или волшебника. Рожденіе, свадьба и бракъ окружаются нелѣпыми обрядами и исполненными суевѣрій пріемами, нерѣдко завѣщанными языческою стариною. Всѣ обстоятельства и случаи его жизни проникнуты всевозможными гаданіями и различными примѣтами.

Такое ложное религіозное воззрѣніе и такая жалкая своеобразная философія простолюдина отразилась пагубными послѣдствіями и на нравственной его жизнедѣятельности и дала ей ложное направленіе. Оттого при всей своей добротѣ сердечной, при всей своей любви къ православію, обилии вѣры и многихъ другихъ прекрасныхъ душевныхъ качествахъ, онъ поставилъ себя въ ложное отношеніе къ своему Творцу и Искупителю. Если простолюдинъ болѣе боится Бога, чѣмъ любитъ, если онъ не сознаетъ Его духовности и вездѣприсутствія, то онъ не можетъ возвыситься и до существа богоподобнаго. Простой народъ поэтому молится и постится только изъ страха наказанія Божія, а не отъ признанія, что молитва есть блаженное единеніе съ Богомъ, а постъ крѣпитъ и животворитъ душу. Оттого онъ молится и въ то-же время переговаривается съ кѣмъ-нибудь. Оттого онъ ничего не дѣлаетъ въ праздникъ и въ то же время сильно пьянствуетъ. Оттого онъ строго постится и въ то-же время совершаетъ какое-либо важное преступленіе.

Не менѣе пагубно отзывается на жизнедѣятельности простаго народа и ложное понятіе его о промыслѣ Божіемъ. Считаая Бога причиною всѣхъ своихъ удачъ и неудачъ, всѣхъ болѣзней и несчастій, происходящихъ отъ собственного неразумія, простолюдинъ съ тупымъ равнодушіемъ и бессмысленнымъ бездѣйствіемъ ожидаетъ окончанія того или другаго пагубнаго явленія, боясь разумною самозащитою прогнѣвать Бога. Но часто бываетъ, что простой народъ

вовсе не знаетъ о повсюдности промысла Божія. Тогда онъ всѣ несчастія свои усваиваетъ одному злему духу и, признавая его всемогущимъ, старается угожденіемъ или лаской задобрить его.

Не имѣя истиннаго или вовсе никакого понятія о Церкви Христовой, а потому и не зная о томъ духовномъ единеніи, въ какомъ должны находиться всѣ вѣрующіе между собою, простолюдинъ нашъ теряетъ много своей душевной доброты. Поэтому горе ближняго—для него чужое горе, общественная дѣятельность—самая тяжелая работа, ссоры и драки сосѣдей болѣе забавляютъ его, чѣмъ тревожатъ. Поэтому же богоугодныя и человѣколюбивыя заведенія—явленіе по селамъ у насъ, если не желательное только, то очень рѣдкое.

Не менѣе современныхъ нуждъ и болѣзненныхъ состояній, необходимыхъ и важныхъ для проповѣдника, представляетъ нашъ простой народъ и въ отношеніи своего положенія въ государствѣ и въ семьѣ со времени освобожденія его отъ крестьянской зависимости. Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что простолюдинъ нашъ еще и въ настоящее время не вполне оправдываетъ тѣ благія надежды, какія возлагаетъ на него правительство, что онъ весьма часто злоупотребляетъ дарованными ему правами свободнаго труда и общиннаго управленія и еще чаще не исполняетъ налагаемыхъ на него со стороны правительства обязанностей. Свободу труда, ему данную, онъ готовъ понимать въ смыслѣ бездѣлья. Право самоуправленія, ему дарованное, онъ часто обращаетъ въ право безконтрольнаго самоуправства. Все это происходитъ отъ того, что простой народъ еще не привыкъ серьезно относиться къ своей жизни. Онъ еще не выработалъ правильнаго взгляда на свою свободу, на свое новое положеніе, на свои новыя обязанности. Поэтому проповѣдникъ долженъ уяснить народу то назначеніе, къ которому онъ призванъ новыми положеніями.

Мірской судъ, составляющійся изъ крестьянъ чуть-ли не всей деревни и разбирающій дѣла по жалобамъ семейнымъ, жалобамъ сосѣдей другъ на друга и т. п., находится въ настоящее время въ самомъ печальномъ состояніи. Оказавшіеся виновными штрафуются деньгами, которыя идутъ большею частию на общую попойку. Судьями въ этихъ дѣлахъ являются почти всегда, такъ называемые на языкѣ крестьянъ, крикуны, горланы. Дѣло проповѣдника убѣждать народъ ставить во главѣ своего суда добрыхъ, честныхъ и распорядительныхъ людей, чтобы съ помощью ихъ уничтожить господствующіе въ ихъ средѣ пороки и добрыми совѣтами возводить свою общину на степень великой семьи, одушевленной однимъ духомъ любви Христовой.

Долгъ проповѣдника внушать простолюдинамъ, чтобы они не относились безучастно и къ земскимъ учрежденіямъ. Они могутъ заявлять свое участіе въ нихъ чрезъ выборныхъ гласныхъ, которыхъ они уполномочены посылать туда. Поэтому и здѣсь главное вниманіе крестьянъ должно быть обращено на выборъ въ гласные достойныхъ лицъ, которыя могли-бы быть полезными общему дѣлу.

Убѣждая крестьянъ быть внимательными, при выборѣ должностныхъ лицъ, проповѣдникъ долженъ позаботиться о восстановленіи должнаго вниманія и уваженія ихъ къ присягѣ, которою предваряются выборы властей и показанія свидѣтельствъ въ судахъ. Это особенно необходимо въ виду того, что такое важное преступленіе, какъ нарушеніе клятвы, сроднилось, можно сказать, съ жизнію нашего народа. Принося присягу при обыкновенныхъ судебныхъ дѣлахъ, народъ привыкъ къ ней и чуть не считаетъ ее казенною принадлежностью каждаго судебного дѣла, нужною для тѣхъ чиновниковъ, которые производятъ его. Такъ, глядя на обрядъ присяги, полный глубокаго значенія и важности, кре-

стьяне не стѣсняются относиться къ выполнению ея совершенно формально, не участвуя въ ней сердцемъ.

Необходимо также проповѣднику бесѣдовать съ народомъ и о тѣхъ слѣдствіяхъ, какими благодѣтельныя для него реформы должны сопровождаться и въ семейномъ его быту. Не оспоримо, что худая семья—язва самая гибельная для тѣхъ членовъ, которые въ ней растутъ и воспитываются; тогда какъ добрая семья—спасеніе, твердая опора для общества. Въ ней крѣпнуть, растутъ и развиваются здоровыя силы. Она—залогъ будущаго благоденствія обществъ. А между тѣмъ семейный бытъ крестьянъ въ настоящемъ своемъ видѣ требуетъ исправленія во многомъ. Много осталось въ немъ грубаго и неозареннаго христіанскимъ вѣроученіемъ, много привзошло въ него чуждаго и неприличнаго во время крѣпостнаго состоянія. Наши крестьянскія семейства больше всего страдаютъ отсутствіемъ должнаго уваженія супруговъ другъ къ другу. Господство мужа, беспрекословная покорность жены всѣмъ прихотямъ его, деспотическое отношеніе его ко всѣмъ остальнымъ членамъ семейства составляютъ самыя обыкновенныя явленія въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Но особенною заботою проповѣдника должно быть стараніе пробудить вниманіе крестьянъ—супруговъ къ выращенію и воспитанію дѣтей. Кажется, ни къ чему другому крестьяне не относятся такъ невнимательно, какъ къ выращенію и воспитанію дѣтей. Занятые обязательными работами при прежнемъ своемъ положеніи они мало имѣли времени ухаживать за дѣтьми. Небрежность и невниманіе обратились въ привычку, прикрываемую благовидными предлогами. „Воли Божіей не перемѣнишь“, говоритъ обыкновенно нашъ простой народъ. Дитя, предназначенное Богомъ для жизни, перенесетъ, по ихъ мнѣнію, всѣ невзгоды; тогда какъ осужденное на смерть, не смотря на всѣ уходы, умретъ. От-

сюда нѣтъ возможности даже перечислить тѣхъ несчастныхъ случаевъ, какіе бываютъ съ дѣтьми въ крестьянскомъ быту отъ безпечности, прикрываемой такими благовидными предлогами ¹⁾.

Иванъ Дементьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИВАНА КАРПОВИЧА

(двѣ серебряныя медали).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написаніе св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются аккуратно и добросовѣстно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, на углу Никольской улицы и Николаевского переулка.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1893 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1893 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Изображая современныя нужды и болѣзни простаго народа, мы весьма далеки отъ той мысли, чтобы приписывать ихъ всемъ безъ исключенія и чтобы отрицать существованіе другихъ хорошихъ и свѣтлыхъ чертъ у имѣющихъ уже ихъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 коп. съ перес.

2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылк.

4. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1893 году.

Въ 1893 году при Кіевской духовной Семинаріи по прежнему будетъ издаваться журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ видѣ еженедѣльно выходящихъ номеровъ, ежемѣсячно выходящихъ „Проповѣдей“ и „Богословскаго Библиографическаго Листка“ (шесть выпусковъ въ годъ).

Оставаясь съ самаго начала своего изданія въ 1860 году и доселѣ неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ и многотрудномъ служеніи, журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ и въ наступающемъ 1893 году будетъ заключать на своихъ страницахъ статьи, посвященныя изложенію и уясненію нравственныхъ началъ, обще-каноническихъ требованій и мѣстныхъ церковно-гражданскихъ постановленій, которыми должны руководствоваться православные русскіе пастыри въ своей жизни и дѣятельности. Въ тѣхъ видахъ, чтобы православные приходскіе священники могли стоять